

ление телег, бочек, саней, дуг, лактей, рогожных кулей, мочала, валенок» (стр. 216) и т. п., ранее определяемое как «ремесло» (стр. 53, 80, 81).

Некоторые специальные термины не объяснены, например «перевеси» (стр. 53) — приспособления для охоты. В то же время дается объяснение такого известного термина, как «бортничество», причем только на стр. 78, хотя речь об этом идет уже на стр. 52—53.

Не всегда приведены мордовские названия элементов культуры, а иногда они даются лишь на одном языке — эрзянском («кизамот» — борона, стр. 188; «пивцема» — щеп, стр. 189 и др.).

Иллюстрации по материальной культуре распределены неравномерно. Дано много рисунков по археологии, по одежде и утвари XVIII в.; иллюстрации же по культуре XIX в. отсутствуют.

Несмотря на отдельные недочеты, книга «Очерки по истории Мордовской АССР» может служить пособием не только по истории, но и по этнографии Мордовии. Желательно, чтобы это издание было возможно скорее доведено до конца.

Л. М. Сабурова

Г. Ф. Чурсин, *Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 264.*

Изданная Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа работа Г. Ф. Чурсина «Материалы по этнографии Абхазии» не была полностью подготовлена к печати самим автором. Полевые материалы, легшие в ее основу, собранные Чурсиным в 1928 г., всего лишь за два года до его смерти. Более двадцати лет рукопись хранилась в архиве Абхазского института. Здесь она неоднократно использовалась этнографами-абхазоведами, но, естественно, не могла получить особенно широкой известности. Выход в свет рецензируемой книги кладет конец этому положению, делая ценные материалы Чурсина достоянием широкого круга кавказоведов и всех этнографов.

Научная значимость работы Г. Ф. Чурсина определяется тремя обстоятельствами.

Во-первых, это работа монографического типа. Автор характеризует материальную культуру абхазов, их общественный (главным образом общинно-родовой) и семейный быт, религиозные верования, знахарство и народную медицину, космогонические представления, фольклор. Хотя не менее половины работы Чурсин посвятил религиозным воззрениям абхазов, хотя многие стороны их быта освещены неполно и фрагментарно, а некоторые (хозяйство, изобразительное искусство) не затронуты совсем, эта работа пока остается единственной в литературе попыткой разностороннего описания жизни староабхазской деревни.

Во-вторых, рецензируемая книга в ряде случаев имеет источниковедческое значение. Блестяще зная литературу по Абхазии, Г. Ф. Чурсин во время своих поездок по стране проверял малодостоверные или противоречивые литературные сообщения и тщательно фиксировал результаты. Так, в частности, Чурсин уточняет сообщения Н. Торнау о затворничестве женщин (стр. 19), Н. Джанашия — о времени моления святыне Инал-куба (стр. 33), Н. С. Державина — об обряде «бросания пули» (стр. 163) и т. д.

В-третьих, книга в ряде своих разделов представляет интерес для истории развития абхазской культуры в советское время. Конец 1920-х годов, когда Чурсин собирал свои материалы в Гудаутском, Очамчирском и Гальском районах Абхазии, был первым периодом ломки староабхазских традиций, формирования новой, социалистической культуры. И хотя основной целью исследователя при сборе абхазских материалов было изучение «пережитков пройденных ступеней культурного развития, представляющих драгоценный материал для истории культуры не только народов Кавказа, но и всего человечества вообще» (стр. 4), он не оставлял без внимания те новые черты в быту абхазской деревни, которые уже тогда, тридцать лет назад, были привнесены советским строем. Новый тип жилища, изменения в народном костюме, исчезновение грабительских набегов, новые брачно-свадебные обычаи, возникшие под влиянием советского брачного права, — все это было зафиксировано Г. Ф. Чурсиным в его работе.

Можно думать, что, работая над абхазским материалом, автор преследовал еще одну цель, тесно связанную с широким кругом интересов этого исследователя-кавказоведа. В некоторых разделах «Материалов по этнографии Абхазии» явственно проглядывает стремление автора обобщить те или иные черты культурного единства народов Кавказа, общекавказской культуры. Как известно, этим вопросам Чурсин посвятил специальную работу — «Очерки по этнологии Кавказа» (Тифлис, 1913). В рецензируемой книге описание отдельных явлений абхазской культуры, как правило, сопровождается многочисленными параллелями из области этнографии других кавказских (иногда не только кавказских) народов. Но работа над «Материалами по этнографии Абхазии», как уже упоминалось, не была автором завершена. Поэтому общекавказское распространение определенных культурно-бытовых явлений с уверенностью констатируется им лишь в некоторых случаях: тождественные представления о водяной деве (Дзызлан у абхазов, Цхлис-али у кахетинцев, Чинка у имеретин,

Джагджик у армян и др.— см. стр. 48), сходные формы почитания грома и молнии (абхазы, кабардинцы, осетины, карачаевцы, балкарцы, мегрелы — см. стр. 60 и сл.), аналогичные представления о лешем (абхазы, мегрелы, месхи, осетины, чеченцы, ингуши, аварцы — стр. 233 и сл.). В большинстве же случаев приводимые Чурсиным кавказские и другие этнографические параллели — в отношении обычаев усыновления (стр. 14), атальчества (стр. 15), взгляда на кузнецов (стр. 70), взгляда на торговлю (стр. 103), магических приемов (стр. 108 и сл.), экзогамии (стр. 159) и др. — представляют лишь справочную ценность, как материал для специальных исследований.

Иногда сравнительно-этнографический материал используется автором для объяснения происхождения тех или иных обычаев. Так, на основе материалов этнографии Северной Америки объясняется запрещение уничтожать или ломать кости съеденных животных (стр. 83—84); сравнительный материал по народам Сибири, Кавказа и Средней Азии дает автору возможность высказать свои суждения о происхождении условных языков охотников и участников грабительских набегов (стр. 89—90), а также захоронения умерших на деревьях (стр. 203 и сл.). Но и подобного рода исследовательские обобщения в работе немногочисленны; нередко оставлен без объяснения сравнительный материал даже о тех обычаях, значение которых было объяснено уже Фрезером (например, нанесение увечий и ран в знак траура — стр. 192—193).

Незавершенность работы Г. Ф. Чурсина, а также, разумеется, то, что со времени ее написания прошло не менее 25 лет, за которые советская этнографическая наука значительно продвинулась вперед, обусловили и некоторые другие частные ее недостатки.

Описывая пережитки родового строя — гостеприимство, атальчество, усыновление, материальную взаимопомощь, следы военной демократии, — автор лишь в отношении гостеприимства и атальчества отмечает черты классовой, феодальной трансформации этих институтов. А ведь феодалы не в меньшей степени использовали в своих интересах и обычаи усыновления, взаимопомощи и особенно военно-демократические традиции, которые в Абхазии XIX в., как и в большинстве других областей Кавказа, по существу уже являлись традициями феодального разбоя. Автор также не делает четкого различия между родовыми и соседскими связями, родовой и соседской взаимопомощью (стр. 15 и сл.).

Автор, на наш взгляд, переоценивает значение магических представлений в происхождении ряда абхазских обычаев, в частности обычаев свадебных. «В прежнее время, — пишет Г. Ф. Чурсин, — когда поезжане являлись за невестой, их не впускали во двор, запирали ворота, и они должны были стрелять, только после выстрела ворота отворялись и их впускали. При отъезде с невестой поезжан не выпускали до тех пор, пока не выстрелят. В том и в другом случае выстрелы могли иметь значение средства, удаляющего нечистую силу и ограждающего невесту от козней злых духов, колдунов и пр. (село Ткварчели)» (стр. 165). Больше оснований связывать происхождение описанного обычая с реальной обстановкой времени перехода от матриархата к патриархату и от матриликального брака к патрилокальному, когда ломка древних обычаев как бы оправдывалась в глазах родни невесты инсценировкой насилия. Равным образом, надевание на шею буйволицы или буйволенка плетеных из колючки кругов и обручей правдоподобнее связывать не с «ограждением от дурного глаза» (стр. 97), а с чисто практическим желанием, чтобы животные не могли пролезть через ограду двора.

Недостаточно аргументированным представляется утверждение Г. Ф. Чурсина о том, что «патроны» и «святые» абхазских фамилий непосредственно восходят к древнейшим родовым божествам первобытной Абхазии (стр. 25). Как отмечает сам автор, таких «патронов» сохранили лишь три абхазские фамилии (Лейба, Ампар и Доуа); связь этих фамилий с определенными «святынями» могла возникнуть и как наследственное жреческое служение забытой общеабхазской святыне (аналогично жреческому служению фамилии Чичба святыне горы Дудрипш — см. стр. 29). Вообще же за отсутствием более определенных данных можно говорить не о пережиточно сохранившихся родовых божествах, а о культе родовых (фамильных, патронимических, большесемейных) предков, сохранившемся в Абхазии, подобно тому как это имело место в древнем Риме, и после создания общеабхазского языческого пантеона.

Работа Г. Ф. Чурсина сопровождается составленной им аннотированной библиографией по этнографии абхазов. Список включает все основные абхазоведческие работы, но, составленный в Тбилиси, вдали от центральных книгохранилищ Союза, он, как отмечает автор, не претендует на исчерпывающую полноту.

Подготовка рукописи к печати, Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории снабдил ее предисловием Л. Х. Акаба и списком кавказоведческих работ проф. Чурсина. В предисловии, коротком, но содержательном, сообщаются биографические сведения о Г. Ф. Чурсине, о его работе над «Материалами по этнографии Абхазии», отмечаются некоторые содержащиеся в этой книге ошибки. Библиография работ Чурсина перепечатана из его некролога в журнале «Советская этнография» (1931, № 3-4); как и в некрологе, она не является исчерпывающей. Нам представляется, что в некоторых случаях следовало снабдить авторский текст редакционными примечаниями. Так, на стр. 12, при изложении легенды о Данакае Джер-ипа, рассказывается о ногайце, который приезжал на свое кукурузное поле на «катере с колокольчиком». Не всякий читатель догадается, что речь идет не о моторном судне, а об осле или муле (от арабск. «катар», катарский осел; ср. старорусское «катырь»).

Примечаниями следовало оговорить и те места авторского текста, которые редакция изменила, по-видимому, сочтя недостаточно «пристойными», — например, легенда о Мафе и Деде (стр. 169 книги, ср. 260-е страницы рукописи).

Издав рукопись Г. Ф. Чурсина, Абхазский научно-исследовательский институт сделал полезное, нужное всем этнографам дело. Это дело следовало бы продолжить — и не только первичной публикацией, но и переизданием малодоступных материалов по этнографии абхазов. Так, разбросанные в газетах «Кавказ», «Дрозда» и в других изданиях статьи С. Пушкарева, К. Чернышева, И. Аверкиева, Ф. Завадского и ряда других авторов XIX в. могли бы быть сведены в один этнографический сборник.

Публикация работы Г. Ф. Чурсина заставляет задуматься и о другом. Не пора ли Институту этнографии АН СССР ускорить издание рукописного наследия другого этнографа-кавказоведа — Е. М. Шиллинга.

Я. Смирнова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ТАДЖИКСКОГО ФОЛЬКЛОРА¹

В связи с декадой таджикской литературы и искусства в Москве в последние месяцы 1956 г. вышел из печати ряд интересных изданий по таджикскому фольклору, свидетельствующих о том, что за последние годы в Таджикистане развернулась значительная работа по систематическому и планомерному сбору и публикации материалов таджикского народного творчества. Особенно радует тот факт, что в Таджикистане выросли квалифицированные кадры фольклористов.

Составитель книги «Эҷодиёти даҳанакии аҳолии Кулоб» («Устное творчество населения Куляба») Раджаб Амонов в течение ряда лет работал по сбору фольклора в районах бывшей Кулябской области и в данной книге публикует часть своих материалов. К сожалению, он дал к книге слишком краткое предисловие, которое никак не может удовлетворить читателя.

Книга делится на три части.

Часть первая — 1. Четверостишия — наиболее распространенный вид народной поэзии. Все четверостишия разбиты автором по содержанию на следующие разделы: разлука, любовь и семейные отношения; жалобы на угнетение и бедность; разные — всего 619 четверостиший. В ряде случаев составитель сопоставляет кулябские образцы с образцами, записанными в других районах Таджикистана (например из сборника, опубликованного Мирзо Турсун-заде и А. Н. Болдышевым, «Фольклори тоҷик», Сталинабад, 1954); однако далеко не все опубликованные сборники таджикского фольклора использованы составителем (например на сборник «Намунаҳои фольклори Дарвоз», материалов, сходных с дарвазскими); 2. Двустихия; 3. Стихи; 4. Песни и дуэты; 5. Комические, детские и обрядовые песни. К сожалению, этот интересный материал по дореволюционному, в основном песенному, фольклору дан лишь в образцах, хотя на нем следовало бы остановиться в предисловии.

Часть вторая — советский фольклор. Сюда вошли четверостишия советского периода, дуэты, стихи местных поэтов. Много новых, интересных материалов, ранее не публиковавшихся, посвященных новой колхозной жизни, учебе, новым отношениям среди молодежи.

Часть третья посвящена другим жанрам фольклора и состоит из двух разделов: 1. Загадки; 2. Пословицы и поговорки. В конце книги даны примечания, главным образом сведения о местных поэтах и лицах, от которых были сделаны записи, и словарь местных слов.

Приятное впечатление оставляет небольшая книжка загадок («Чистонҳо»). В предисловии сказано, что хотя она рассчитана на широкий круг читателей, тем не менее книга преследует и научные цели.

Составители (Р. Амонов и Я. Калонтаров) разбили все загадки на восемнадцать групп: земля, небо, животные, птицы, насекомые, дикie травы, культурные растения, части человеческого тела, еда, одежда и т. д. Всего в книге собрано 456 загадок, как из ранее вышедших изданий, так и записанных авторами в различных районах Таджикской ССР. Два последних раздела книги составляют сказки-загадки и шуточные загадки на вычисление. Часть загадок, по-видимому, является переводом с русского языка. В конце сборника дан алфавитный указатель ответов на загадки со ссылкой на номер загадки. Особо хочется отметить работу художника Б. Журкина, снабдившего книгу выразительными иллюстрациями к каждому разделу загадок. Интересно оформлена и обложка книги — она ярко-желтого цвета, с фигуркой задумавшегося мальчика в тибетейке.

¹ «Эҷодиёти даҳанакии аҳолии Кулоб», ч. 1, составитель Р. Амонов, редактор А. М. Мирзоев, Сталинабад, 1956, стр. 240; «Чистонҳо», собиратели и составители Р. Амонов и Я. И. Калонтаров, Сталинабад, 1956, стр. 133; «Зарбулмасал ва маҳол-ҳой тоҷикӣ», собиратель и составитель В. Асрори, редактор Мирзо Турсун-заде, Сталинабад, 1956, стр. 99; Низам Нурджанов, Таджикский народный театр (по материалам Кулябской области), редактор Н. А. Кисляков, М., 1956, стр. 337.